

Слово генерала

Его имя золотыми буквами вписано в историю не только ООО «Газпром добыча Ноябрьск», но и газовой промышленности России. Фамилия Галькович – это пароль профессиональной чести, человеческого благородства и бескорыстной дружбы. Его трудовой путь, кажется, был предначертан самой судьбой. Родина Михаила Иосифовича – это родина российского газа – Березовский район Тюменской области. И свой путь он прошел достойно, доказывая успех на деле. При участии Михаила Гальковича построено пять производственных объектов, освоена большая часть газовых месторождений юга Ямало-Ненецкого автономного округа. В его «табели о рангах» множество наград и званий, в том числе орден Почета, медаль «За трудовую доблесть» и звание «Ветеран труда газовой промышленности». Более четверти века он стоял у руля крупнейшего газодобывающего предприятия, но свой первый рабочий день в новом Управлении помнит, как сейчас.

– 7 ноября 1977 г. я отправился самолетом по маршруту «Надым – Тюмень – Сургут» и дальше в Новоанганск – поселок геологов в Нижневартовском районе. Там по приказу главка было создано газопромысловое управление «Вынгапургаз». Почему оно возникло? Потому что в 1970-е гг. Иран прекратил поставки газа в Советский Союз и как-то нужно было в скорейшем темпе компенсировать, если мне память не изменяет, 7 млрд м³. До Уренгойского, Медвежьего месторождений далеко, а Вынгапур был ближе к городам промышленного Урала.

– Не страшно было отправляться в неизвестность?

– Вы же знаете кратко мою биографию. Я в глухой тайге родился, там то же самое было, может, даже тяжелее. И меня всегда тянуло туда, где нелегко. Поэтому ничего страшного не было. Другое дело, что трудности были по обустройству месторождения. Вынгапур не имел никакой транспортной схемы. Только зимник. И второе – это кадровый вопрос, первый выход – группа специалистов из газопромыслового управления «Игримгаз» (есть такой поселок Игрим в Березовском районе), сорок два человека во главе с первым руководителем Василем Абударовичем Фатиховым. Они любыми путями добирались в Новоанганск: баржами, катерами, самолетами, со своим скарбом... Понимаете, это же

непросто, семьями ехали туда. Вот этих людей, их фамилии надо просто в граните написать.

Они перспективы не знали, но были в душе романтиками. К нам приезжало много людей, но оставались самые стойкие. Потому что была работа, а остального – ничего. Но люди знали, верили, что они получают квартиры, будет прекрасная школа, детсад, жена трудоустроена, хорошая зарплата, и, в общем-то, так и жили. А для того, чтобы все это было, надо вставать в шесть утра, возвращаться с работы в девять, а может, и в двенадцать часов ночи. Поэтому, считаю, все, что связано с освоением Западной Сибири и в газовой, и в нефтяной части, – это героство!

– За Вынгапуровским был Комсомольский газовый промысел?

– Как говорят: не было бы счастья, да несчастье помогло. Был 1984 г., воскресенье, я только приехал с какого-то объекта – тогда по выходным тоже работали. И в это время звонок из аэропорта: «Михаил Иосифович, тут «Як-40» из Уренгоя приземлился. Какие-то очень большие начальники прилетели. Все ругаются, начальник аэропорта не знает, что с ними делать, сказал вам позвонить». Приезжаю и вижу такую картину: небольшой зал полон людей, а в центре – первый замминистра газовой промышленности СССР Грант Джаванширович Маргулов, чуть поодаль – начальник главка Виктор Степано-

В.С. Черномырдин, Л.Г. Рафиков, В.П. Ивашкеев, М.И. Галькович

вич Черномырдин. Первый замминистра ругается, и я вижу, что Виктор Степанович сам удар принимает. Маргулов: «Тут вообще никого нет!» – а я в ответ: «Как это никого?!» Представился и говорю: «Значит, никаких разговоров, все за мной».

Потом Виктор Черномырдин мне сказал: «Михаил, ты ко мне зайди!» Когда встретились, он меня спросил: «Какие проблемы?» – «Виктор Степанович, – обратился я к нему, – есть такая программа (по освоению газовых месторождений в южной части Ямала), но никто не шевелится». Он тут же поднял трубку и говорит своему заму: «Ты почему Комсомольским месторождением не занимаешься?» А тот в ответ: «Занимаюсь». Виктор Степанович мужскими словами говорит: «Как ты занимаешься?! У меня Галькович сидит. Чтобы завтра же! А через пять дней пригласим его, он нам расскажет все». Так и получилось, что через пять дней я был у него с докладом, и все закрутилось. Финансирование пошло, а когда деньги есть, начинается работа.

– Но ведь Комсомолку запустили в 1993 г.?

– Подошел 1991 г., развал экономики, одна газовая промышленность существовала.

Россия еще не раз вспомнит Виктора Степановича Черномырдина и возглавлявшего «Газпром» Рэма Ивановича Вяхирева. Это они сохранили газовую промышленность. Две цифры: газовики добывали около 500 млрд м³ в год, а нефтяники – почти 500 млн т в год. И вдруг добыча нефти «упала» на 300! Но эту разницу никто не почувствовал. А вот если бы это произошло в газовой отрасли – все города бы замерзли, промышленность бы рухнула.

И вот вызвали на «высокий уровень» меня и генерального директора «Сургутгазпрома» Александра Алексеевича Пушкина и обратились к нам со словами: «Мужики, давайте Комсомол! Задей-

ствуйте все ресурсы, потому что нам нечего добавить. Зима настает». И мы снова работали день и ночь. Вспомнили Вынгапур!

– А через три года пришел черед Западно-Таркосалинского газового промысла?

– В это время застопорилась работа на Уренгойском и Ямбургском месторождениях. Это далеко, и задача сложнее, чем у нас, поэтому нам сказали: «Ребята, давайте! Шестнадцать миллиардов ежегодно станут хорошей прибавкой к общей добыче».

На Западку мы не с голыми руками выходили. У нас были опыт и люди. Не было отлаженной транспортной схемы, туда было не добраться, особенно в летний период. Но я скажу, что не было сверхгероических усилий. Там была хорошая мужская работа. Строители – молодцы, буквально где-то за полтора года мы ввели месторождение в эксплуатацию.

Другое дело, что зимой можно было попасть на промысел, а летом – нельзя. На мой вопрос: «Как дела?» – начальник Западно-Таркосалинского газового промысла Вячеслав Иванович Миляев однажды ответил: «Михаил Иосифович, вы бы подъехали, лучше бы поняли». Я его сразу и не понял, а вот когда приехал, он говорит: «Сейчас конец рабочего дня, все мы едем в Губкинский, и вы посмотрите, какая у меня забота». Доехали до речки. Работники высадились из автобуса, и я вместе с ними, и пошли пешком через железнодорожный мост. А тут поезд идет... И вот такая колея небольшая, мост трясет, но мы-то мужики, а я смотрю – и женщины идут! И вот эта вся цепочка по мосту продвигается и вся дрожит, поезд колесами стучит, внизу речка... И я считаю, что большое дело сделал – автомобильный мост построил. На свой страх и риск. Потому что меня пытались потом за перерасход наказать, и даже наказали, но это

На мероприятиях по случаю 10-летия Комсомольского газового промысла

Михаил Галькович в ходе рабочей поездки на стройплощадку Вынгаяхинского газового промысла

не страшно: через несколько лет уже все радовались, ехали спокойно по дороге, без пересадок.

– С тех событий не прошло и трех лет, как ноябрьские газовики снова начали стройку. В рекордные сроки обустроили Губкинский газовый промысел, где реализовали эксклюзивное право на операторские услуги.

– В той нашей жизни эксклюзива не было, шел 1998 год.

– Опять кризис?

– Опять кризис, понимаете, и вот нам как-то в кризис везет. Меня пригласили в Москву и сделали такое предложение: «У нас есть лицензия на разработку Губкинского месторождения. Но в «Газпроме» денег нет, зато есть организации, у которых есть деньги, но больше ничего нет. Поэтому создавайте совместное предприятие».

Если честно, я не хотел, но другого выхода не было. Ведь надо было дальше двигаться, разрабатывать месторождение. Мы создали совместное предприятие «Пургаз». Причем до этого «Газпром» в таких проектах ни с кем не участвовал.

А рекордные сроки на обустройство промысла объясняются просто: уже научились работать, к тому же многое уже было – транспортная схема, строители, мы – эксплуатационники, у которых достаточно специалистов. Я всегда говорил и Вынгапуру, и Комсомолке: «Набирайте людей даже сверх штата». Мы же прогнозировали, что будут Западно-Таркосалинский, Губкинский промыслы, Вынгаяхинское месторождение, поэтому у нас люди были, к тому же молодые всегда хотя что-то новенького, это нормальное явление. Самое страшное для производства – это застой!

– Разработка Вынгаяхинского месторождения – это тоже непростое решение, принятое в больших кабинетах?

– Было весеннее совещание в «Газпроме», уже Алексей Борисович Миллер стал руководителем, и рассматривался вопрос обустройства Заполярного месторождения, и были проблемы – с поставками оборудования, со строителями, нехваткой людей... И Алексей Борисович подвел итог: «Если мы не пустим месторождение, то останемся без определенного количества газа». А зима на носу... Я как-то так набрался смелости и говорю: «Алексей Борисович, я понимаю, что Заполярье – очень крупное по объемам месторождение, у нас поменьше, но по времени мы можем восполнить объемы, которых нам не хватает. Нам немножко надо помочь, речь не идет о больших суммах». Я, конечно, готовился, понимал, что меня в любой момент могут вызвать. Миллер поднял наших кураторов: «Там действительно так, как говорит Галькович?» – «Да, там у него дела идут. И оборудование поступает, и все нормально». Он спросил, сколько денег нужно. Я объяснил, что дополнительное финансирование нужно даже не нам, а строителям: «Зарплата будет – они будут работать, а с оборудованием мы уже договоримся». – «Ну и когда, к концу года, в декабре запустите?» – «Почему в декабре, к 12 ноября». – «Почему к 12 ноября?» – «Мой день рождения», – говорю я, разрядил так обстановку (улыбается). В октябре промысел запустили.

– После пуска Вынгаяхи предприятие заняло третье место в Группе «Газпром» по объемам, 80 млрд м³ годовой добычи.

– Дело не в объемах. Я понимал, что сегодня я работаю, а завтра – другой. Мы с Виктором Ивановичем Кононовым, генеральным директором «Надымгазпрома», соревновались. «Виктор Иванович, – говорю, – я тебя перегоню». Так и вышло: я его перегнал, но дело-то не в этом, а в хронологии пуска. Чтобы не было застоя, надо работать, работать и работать. В любом предприятии, когда работа есть, то и коллектив (показывает кулак) крепкий.

– Когда Вы уходили на заслуженный отдых, чувствовали удовлетворение от проделанной работы?

– Что теперь говорить, удовлетворен или не удовлетворен... Я спокойно уходил. Считаю, что руководитель должен вовремя уйти. Это как в спорте: спортсмен ставит рекорды, потом уже не получается, а он все тянет, и его забывают... Я на волне ушел.

Беседовала Лариса Беркутова

